

В. В. БЛАЖЕС
Свердловск

ПЕСЕННО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ЭПОС В СВЕТЕ НАРОДНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

На народную фольклористику пока не обращено должного внимания, нет ни одной специальной статьи по этой теме, о ней молчат учебники и работы по истории русской фольклористики. Правда, М. К. Азадовский писал о «различных проявлениях фольклоризма в разных слоях дворянского и буржуазного общества» и при этом отмечал «факты низового, или массового, фольклоризма», имея в виду составление в демократической среде рукописных песенников, сборников сказок, духовных стихов в XVIII в.¹ Однако народная фольклористика и проявление «низового, массового», фольклоризма в целом совершенно разные, хотя в чем-то и соприкасающиеся явления.

Под народной фольклористикой следует понимать устойчивую, исторически изменяющуюся систему народных знаний о специфике фольклорного искусства. Народная фольклористика как область народного знания существует наравне с народной историей, народной философией, народным правом, народной психологией и т. п.² Нам уже приходилось вскользь касаться этой темы³. В данной статье остановимся на том, как освещается народной фольклористикой песенно-повествовательный эпос. С этой целью выявляем в общерусских и региональных эпических собраниях наиболее значительные пояснения, высказывания, суждения исполнителей и слушателей о песенно-повествовательном эпосе и соотносим их с научными данными, что позволяет продемонстрировать специфичность народных фольклористических знаний.

* *
*

В XIX в., когда началось интенсивное собирание и изучение былевой поэзии, существовали различные наименования эпиче-

¹ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, с. 102.

² См., например: Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1889; А. С. Прангишвили. Фольклор и психология. — В кн.: Проблемы фольклора. М., 1975, с. 40—44.

³ В. В. Блажес. О фольклоризме бажовских сказов. — В кн.: Фольклор Урала. Свердловск, 1976, с. 80—81.

ских песен, их называли былинами, сказочными поэмами, богатырскими песнями, рапсодиями⁴. В народной среде широко бытовало два наименования — былина и старина. Первое из них со временем стало термином, принятым наукой. В некоторых местностях «старина» и «былина» различались. А. Д. Григорьев отмечал, что «понятие «старина» далеко не то, что понятие «былина»: оно гораздо шире. Именно в понятие «старина» входят былины богатырского характера, былины-фавль, былины-новеллы, некоторые близкие к былинам духовные стихи, а также большая часть древних исторических песен»⁵. Так, к примеру, считала и Кривополенова. О. Э. Озаровская свидетельствует: «То, что бабушка (М. Д. Кривополенова. — В. Б.) называет одним словом старины, мы разделяем на былины, исторические песни, скоморошины»⁶. Сказители также различали эпические былевые песни и духовные стихи, именуя последние только стихами.

Комические эпические песни также по-разному назывались в разных местностях: былинками, старинками, скоклыми песнями. «Шутовые старины называются иногда на нижнем течении реки Пинеги «перегудками», а на верхнем — «перецытытками»⁷. Эпические песни пародийного характера, составленные из перверсивных мотивов, многие сказители называли небывальщинами, небылицами:

Небылица в лицах, небывальщина

Небывальщина да неслыхальщина...⁸

Фольклористы и здесь шли за народными исполнителями, заимствуя из их лексикона наименования, называли комические эпические песни старинами-перегудками, песнями-небывальщинами, шуточными песнями о небывальщине, небылицами и т. п.⁹ Также, как и народные сказители, исследователи могут по-разному именовать одну какую-нибудь песню. Например, «Агафонушку» из Сборника Кириши Данилова К. Ф. Калайдович называл фарсом и пародией, а сейчас называют небылицей, пародийной песней, былиной¹⁰.

⁴ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 7—8.

⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1. М., 1904, с. XIII—XIV (далее—Архангельские былины...).

⁶ О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. М., 1922, с. 19; см. также: Архангельские былины..., т. 1, с. 231, 232, 565, 570.

⁷ Архангельские былины..., т. 1, с. 142, 164, 471.

⁸ М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950, с. 4.

⁹ П. Н. Шейн. Пародия в народном песнетворчестве. — «Ежемесячные сочинения». Литературный журнал И. Ясинского. 1903, № 3, с. 189; Былины Севера, т. 2. Прионежье, Пинега, Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, с. 776, 787; К. Чуковский. Лепые нелепицы. — «Русский современник». 1924, № 4, с. 178; О. И. Капица. Детский фольклор. Л., 1928, с. 99.

¹⁰ См., например: Былины. В 2 т. Т. 2. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958, с. 393, 507, 508.

Сказители классифицировали эпические песни не только по степени их достоверности, характеру содержания, но и по времени их создания. На этом случае следует остановиться, ибо он не столько логически обосновывается сказителями, сколько прослеживается в их художественной практике. Например, Кирша Данилов, записывая свои песни, был точен «в датировке» былины и исторических песен, отражающих события до XVI в. включительно: они для него — «старины», поэтому могут начинаться с формулы времени, подчеркивающей почтенную давность изображаемого:

Да в старые годы, прежние,
Во те времена первоначальные,
Когда воцарился царь-государь,
А прозны царь Иван Васильевич...

Кроме того, только песни XVI в., как и былины, могут иметь своеобразную жанрово-временную помету: Кирша Данилов может заканчивать их формулами, в которых фигурирует термин старина. Так, былина «О женитьбе князя Владимира» заканчивается словами: «А то и старина, то и деянье»; помещенная за этой былиной песня «Гришка Отрепьев» лишена такой пометы, но далее идущая «На Бузане острове», повествующая о событиях второй половины XVI в., отнесена к старинам. «Тем старина и кончилась»¹¹. Зато песни XVII—XVIII вв. не имеют начальной временной формулы «в стары годы, прежние...», певец не именует их старинами, они для него — песни о новом, в смысле «не старинном», времени. Очевидно, можно говорить о том, что сознание сказителей все-таки пролагает между XVI и XVII столетиями, между эпохой Грозного и эпохой Смуты временной рубеж, и в целом это проявляется в разделении эпических песен на старины и «не старины», песни. А. В. Марков пишет, что сказительница А. М. Крюкова «строго отличала» от старин исторические песни XVIII в.¹² Любопытно, что «Горе», произведение, лишенное временных реалий, она не знала, куда отнести: к старинам или песням¹³.

Народные певцы и рассказчики всегда резко противопоставляли былевой и сказочный эпос: песня — быть, сказка — ложь¹⁴.

Вымысленность, нереальность сказки рассказчики передают не только алогичными присказками, но и начальными формулами типа «в давние-давние времена, когда еще волк с волком

¹¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршем Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958, с. 79, 81, 86, 220.

¹² Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 30.

¹³ Там же, с. 158.

¹⁴ Сказители Е. Б. Суриков и А. П. Мерзлякова говорили еще так: «Сказка—выдумка, детское это»; «Сказка—сладка, а песня—былина». — Былины Севера, т. 2, с. 460.

дружили»¹⁵; завершая повествование, сказочники говорили не только «сказка вся и сказать нельзя», обозначая финал, но и «сказка вся, обманывать нельзя», «сказка вся, больше врать нельзя»¹⁶, подчеркивая выдуманность предыдущего рассказа. Эта особенность сказочного эпоса отмечается и народными пословицами: «Сказка — складка, песня — быть», «Быль за сказкой не угонится», «Сказка — складка, послушать сладко»¹⁷. Подобные фольклористические высказывания впервые были обобщены писателем К. С. Аксаковым: «Между сказками и песнями... лежит резкая черта. Сказка и песня различны изначала. Это различие установил сам народ, и нам лучше прямо принять то различие, которое он сделал в своей литературе... «Сказка — складка (вымысел), а песня — быть», — говорит народ, и слова его имеют смысл глубокий...»¹⁸.

Народные пословицы говорят не только о вымышленном характере сказочного повествования, но и указывают на некоторые наиболее важные функции сказки: на ее поучительность, дидактичность, развлекательность: «Кашу кушай, а сказку слушай: умом-разумом смекай да на ус мотай», «Либо дело делать, либо сказки оказывать», «Дети до сказок, что мухи до браги»¹⁹. Есть у народа и свои наименования: сказка называется не только сказкой, но и складкой, побаской, басней²⁰.

Различие между сказочным и былевым эпосом, проводимое народным мнением, прослеживается и на характеристике исполнителей. Если про сказочников говорят «враль известный», «этот вам наврет с три короба»²¹, то сказителей глубоко уважают. «Знание былин, — пишут А. В. Марков и А. Д. Григорьев, — крестьяне считают признаком мудрости и как бы образованности: про людей, совсем не знающих старин, говорят, что они «ничему не учились»²²; другой собиратель свидетельствует: «...вообще старинщики пользуются на Низовой Печоре уважением сельчан, их считают особенно развитыми, наделенными какой-то особенной способностью, даром, которым, пожалуй, и можно гордиться, и

¹⁵ Сказки Магая. Записи Л. Е. Элиасова и М. К. Азадовского. Л., 1940, с. 33. И наоборот: если сказочник верит в сказку, он в зачине может предугадать: «Это не то что сказка, а правда, быть». — В кн.: Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884, с. 222.

¹⁶ Сказки и предания Северного края. Запись И. В. Карнаухова. М.—Л., 1934, с. 74; Сказки А. Н. Корольковой. Составитель Э. В. Померанцева. М., 1961, с. 240; Сказки М. М. Коргуева, кн. 1. Петрозаводск, 1939, с. 149, 594.

¹⁷ Русские пословицы и поговорки. М., 1969, с. 112.

¹⁸ Цит. по кн.: Русское народное поэтическое творчество. Под редакцией Н. И. Кравцова. М., 1971, с. 101—102.

¹⁹ Русские пословицы и поговорки.

²⁰ Об истории проникновения народных наименований в книжность см.: Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Вступительная статья, подготовка текста Н. В. Новикова. М., 1971, с. 3—4.

²¹ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 6.

²² А. В. Марков, А. Д. Григорьев. Былинная традиция на Белом море. СПб., 1900, с. 3; См. также: Беломорские былины, с. 13.

фраза «О, он сказитель!» служит большой похвалой. ...Везде по всем другим местам Печоры к старинщикам относятся с большим почтением»²³. Заслуживают внимания народные суждения о таланте сказочника, о «сочинении» былин и сказок, об особенностях фольклорного процесса. Так, сказитель К. Д. Андрианов любил рассказывать о древних певцах. По его мнению, «много былинщиков и песенников» было уже при князе Владимире, «от киевского княжества и пошли эти самые былины все»²⁴. Причем фольклористические высказывания могут принимать поэтическую форму. Такой случай описан Е. И. Шастиной.

«Однажды, — пишет Е. И. Шастина, — я рассказала Р. Е. Шеметовой о качупском сказочнике А. А. Дерягине, который, по его словам, сказки слагает сам «в своей голове ночами». Раиса Егоровна внимательно выслушала рассказ, а потом раздумчиво произнесла: «Тоже он, видать, уроченный», и поведала мне следующее: «Было это, когда коммуны организовывали. И был тогда здесь Лаврентий Михайлович Савинов-Большедворский. Он с мужиками на Ор приехал бочки делать. И вот Кузьма все смечает и смечает его: ночью все спят, а Лавруха все что-то бормочет и бормочет. Я как сейчас помню: поужинали, сели курить, а брат Кузьма и говорит: «Пошто это вы, Лаврентий Михайлович, ночью бормочите?» — «Ой, Кузьма Егорович, я сам себя испортил. А дело было так: пришел я с армии, и задались мы с одним товарищем мыслью: почему это дедушку Володю Забугорского из Большедворского все уважают, почитают. Вот бы, мол, и нас так. Пошли к нему и спросили, почему так? Он и говорит: «Я вас поучить могу, но тайно и если у вас сердце крепкое... Но, ребята, сегодня-то будет страшно. Только вы сдержитесь. Это конец ученью». Привел нас в баню, говорит: «Вот сидите на полке, а в полночь к вам большая собака выйдет, откроет вот такую пасть, и вы ни-сколь не теряйтесь, бегите и лезьте к ней в пасть. Если испугаетесь, тогда навек нелюди будете». Настала ночь. Кичиги к обеду подошли (это таки три звезды из-за горы выходят). И ниоткуль вышла такая необнакновенная собака. Ужахнулся я... Язык во рту со страху околел... Вот и стал я с тех пор страдать. Как лягу спать, так нечистики тычат и тычат, спать не дают...». По совету дедушки Володи он дает нечистикам три волшебные задачи. Две они выполняют и почти уже оставляют его, но для выполнения третьей он не может создать соответствующих условий. «Поэтому, — заканчивает Шеметова, — совсем они от него не отстали. Вот он спать-то по ночам и не может, все шопчет да шопчет, разные складки складывает. Трудно сказать, — подытоживает Шастина, — что в этом поэтическом рассказе отнести за счет сказительного таланта Шеметовой, а что объяснить фантазией не менее замечательного сказочника — ее брата Кузьмы и давно умер-

²³ Печорские былины. Записал Н. Ончуков. Спб., 1904, с. XXIV.

²⁴ Былины Севера, т. 2, с. 35.

шего большедворского посказителя Л. М. Савинова. Ясно только одно, что эта бывальщина-сказка, так красноречиво выразившая народный взгляд на талант сказителя, стала в сознании Шеметовой предметом художественного осмысления одного из явлений жизни»²⁵.

Исполнение эпических произведений когда-то регламентировалось строгими правилами. Если ограничения по исполнению были, исторических песен, скоморошин были вызваны, главным образом, религиозными чувствами²⁶, то со сказкой все обстояло сложнее.

В новое время сказка выполняет преимущественно эстетико-поучительную функцию, и носители сказочного эпоса рассказывают свои сказки в любых подходящих жизненных ситуациях. В древности же и средневековье у многих народов сказка была частью религиозного обряда, была связана с материально-производственной стороной жизни, поэтому рассказывалась только в определенное время суток и в определенное время года. Так, был запрет на рассказывание сказок днем, летом, частично осенью, предписывалось не привлекать сказками хозяев природных сил, злых демонов до тех пор, пока не вырастет скот, пока скот пасется на летних пастбищах и т. д. Эти установления оказывали серьезное влияние на художественный облик сказки; сказочник знал их и выполнял; например, рассказанная в неподходящее время сказка не должна была иметь инициальных и финальных формул²⁷.

Сказочники, как и сказители, выделяют различные жанровые группы. Так, легендарные сказки, в которых присутствует нечистая и праведная сила, побеждающая бесовские козни, относятся к числу «божественных» сказок; подобные сказки объявляются «былью», «правдой», «былицей»²⁸. Собиратель Н. Козырев писал про одну сказочницу, что она вообще верит всем сказкам, «считает их действительностью, которая, однако, была очень давно»: «...что говорить о далеком прошлом, которого не помнят даже наши деды и прадеды, там были возможны всякие дива, которые люди теперь называют сказками. «Все, кормилец, было, все — былица», — убежденно говорила Агеева»²⁹. Этот же собиратель замечал, что люди одни сказки принимают как правду и отвергают другие как пустой вымысел: «Они с удовольствием слушают сказ-

²⁵ Е. И. Шастина. Студенческий фольклорный кружок. — В кн.: Проблемы изучения русского устного поэтического творчества, вып. 1. М., 1975, с. 168—169.

²⁶ Печорские былины, с. III.

²⁷ Д. К. Зеленин. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934, с. 218—220.

²⁸ Великорусские сказки Вятской губернии. Записал Д. К. Зеленин. Пг., 1915, с. XXII.

²⁹ Н. Козырев. Как я собирал сказки. — «Живая старина», вып. 3—4, 1914, с. 293.

ку бытового характера, но ополчаются против сказок с фантастическим началом: «Это не правда, ничего этого не было», и с терпением доказывают, почему этого не могло быть»³⁰. Сказочник Новопольцев сказки бытового плана относил к былям»³¹.

В сборнике Д. К. Зеленина помещены сказки, записанные П. и А. Вологдиными и именуемые в народной среде как «сказки, говоримые детям», «докучные сказки», причем «ребячьими сказками» называют определенную группу сами сказочники³². «Если исчерпавшему свой репертуар сказочнику, — пишет И. В. Карнаухова, — напомнить о существовании «Глиняного парня» или «Колобка», обычно следует ответ: «Да это ребячьи сказки...»³³. Выделяются также «бабьи сказки»³⁴. Сказочник А. Д. Ломтев бытовые анекдоты, притчи, мелкие рассказы развлекательного характера называл «побасенками», неприличные сказки с эротическими мотивами относил в отдельную группу, поскольку в таких сказках «много брызгу», эти сказки слушать — «только мужикам ржать»; истории о чудесах он называл не сказками, а «побывальщинами», настоящие же сказки — это повествования о подвигах, где обязательно «должны быть» цари, короли, герои-волшебники³⁵. Эротические сказки часто называются «скромными», «с картинкой»; чаще всего это сатирические сказки, где мужик одерживает победу над попом, дьяконом, офицером, их женами. Подобные сказки, замечал А. Н. Никифоров, полноценно звучат только в мужской аудитории: «Несколько случаев записи таких сказок у сказочников-эротиков наедине с ними проходили очень вяло и бледно. Зато случаи рассказывания такой сказки в кружке мужчин вызывают грохот олимпийского смеха и ажиотаж рассказчика»³⁶.

Сказочник Ф. П. Господарев все известные ему сказки делил на такие, «где все делается волшебством» (это собственно волшебные сказки), «где все делается головкой или разумом, а не только волшебством» (сказки, имеющие новеллистический, авантюрный, бытовой характер), затем обособлял «сказки со зверями» и сказки с эротическим уклоном — «забадушки»³⁷.

Широкое распространение получили в народе локальные комические, анекдотические сказки. С. В. Савченко на этот счет писал: «Кто жил в деревне, тот знает, что даже жители двух соседних деревень изошряются в своем остроумии насчет друг друга:

³⁰ Там же, с. 276.

³¹ Сказки Абрама Новопольцева. Куйбышев, 1952, с. 139.

³² Великорусские сказки Пермской губернии. Записал Д. К. Зеленин. Пг., 1914, с. 391; Великорусские сказки Вятской губернии, с. 330, 347.

³³ Сказки и предания Северного края, с. 383.

³⁴ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1908, с. 525.

³⁵ Великорусские сказки Пермской губернии, с. XXXIII, XXXIV, 151, 157.

³⁶ А. Н. Никифоров. Жанры русской сказки. — «Учен. зап. факультета языка и литературы Ленингр. пед. ин-та им. М. А. Покровского», вып. I, 1938, с. 250—251.

³⁷ Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941, с. 46.

подметят какой-либо смешной обычай, манеру говорить и т. п. и потом смеются, выдумывают друг на друга обидные прозвища. Подобное отношение к своим соседям породило целую литературу народных рассказов о глупых людях, о смешных обычаях соседей и т. п. Множество подобных рассказов можно найти в известной книге XVIII в. «Анекдоты древних пошехонцев» В. Березайского (1798), а затем в сборниках Афанасьева, Сумцова, Худякова, Ончукова. Особенно любил народ насмешки над другой национальностью. На юге смеются над глупыми евреями и цыганами, в Поволжье — над чувашами, мордвой, в Архангельской губернии — над карелами и т. п.»³⁸. В исследовательской литературе последнего времени такие рассказы получили название *блэзнов*³⁹, в дореволюционной фольклористике их чаще всего относили к анекдотам, а в народной среде их выделяли в отдельную жанровую группу, но устойчивого наименования у них не было, в разных местностях носители фольклора употребляли разные «термины»: байка, присказулька, прибаулочка, побасенка.

Таким образом, рассказчики выделяют группы сказок с помощью критерия правдивости, с учетом среды, в которой рассказываются сказки, по особенностям действующих лиц, по наличию элементов волшебства, фантастики, с учетом роли комического.

Надо сказать, что и эпические певцы классифицировали свои песни с учетом половозрастного состава и общественного положения слушателей. Подобную классификацию проводил, например, сказитель Ф. А. Конашков⁴⁰. «Ставра» многие сказители считали чисто женской былинной: «Бабы любят «Ставра», что баба дават толку мужу. Это бабья»; или «Приключения Ивана Годинова...» — это бабья старина»⁴¹.

Весьма показательны суждения сказочников и эпических певцов о вариативности. Сказочники в большинстве своем признавали необходимость варьирования, хотя, конечно, этот термин им был неизвестен. Сказочники признают зависимость идейно-художественного облика сказки от ситуативных обстоятельств: «Если слушаю ребятишки, сказываешь по-одному, мужики — покрепчей, мадамы — помягчей»⁴². Любый сказочник постоянно прибегает к идейному или стилистическому варьированию. Так, Н. Е. Ончуков пишет про сказочника М. Петрова, что он «всегда помнил, кому он рассказывает сказку, своему брату, крестьянину, или «господину». После долгих убеждений, — продолжает собиратель, — я до-

³⁸ С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, с. 39.

³⁹ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 466.

⁴⁰ Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарий А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948, с. 20.

⁴¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1. М., 1909, с. XXXII; Онежские былины. Подбор текстов и научная редакция Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати В. И. Чичерова. М., 1948, с. 344.

⁴² Сказки Ф. П. Господарева, с. 42.

бывался того, что он отвлекался от моей личности и говорил оло-
нешким говором. Но стоило мне переспросить хотя бы одно непю-
нхтное слово, как он мгновенно изменял не только говор, но и са-
мый «склад речи»⁴³.

Сказители относились к эпическим песням несколько иначе. По крайней мере, многие считали, что имеют право на свобод-
ную импровизацию. А. Ф. Гильфердинг, однажды записывая от
сказителя Сорокина прежде слышанную от него былин, заметил,
что в одном месте раньше было спето по-другому. «Ах, это все
равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам
будет угодно»⁴⁴. Очень спокойно относилась к вариативности ска-
зительница А. М. Пашкова; она свободно вносила в текст измене-
ния: «Немного слыхала, а остальное сама», — говорила она⁴⁵.
Сказители ощущали и правильно объясняли региональное разли-
чие вариантов одной былин⁴⁶. Однако импровизируя, певцы все-
таки утверждали, что вариации, пропуски или, наоборот, привне-
сения при исполнении былин, духовных стихов недопустимы. Та
же А. М. Крюкова, отличавшаяся свободной импровизационной
манерой, «прямо говорила, что проклять будет тот, кто позволит
себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин» и
тем более духовных стихов⁴⁷. М. Д. Кривополенова также не при-
знавала никаких трансформаций и «гордилась тем, что свято обе-
регла дедовы старины...». «Я ни одного слова из дедовых старин
не потеряла», — говорила она⁴⁸. А. Ф. Гильфердинг писал: «Из
разговора с любым сказителем вы сейчас увидите, что он вполне
чужд сочинительства: он старается петь именно так, как пел его
отец, дед или учитель; если он чего-нибудь не упомянул, то либо
пропускает, либо рассказывает словами; но как бы подробно он
ни знал содержание какого-нибудь эпизода или целой былин, он,
раз забывши, как она поется, никогда не решится восстано-
вить ее стихами»⁴⁹. Эпические певцы старались сохранить реалии,
если даже они их смущали: «...нехорошо так говорить про святого,
да что делать? Так певали отцы, и мы так от них научились»⁵⁰.
Сказителей огорчали просьбы со стороны что-то изменить в были-
не, они считали эпическую песню цельностью, не допускающую
вмешательства. «Некоторые из московских педагогов, принимая
во внимание, что Рябинину петь приходится в женских учебных
заведениях, находили неудобным два-три выражения в лучших из

⁴³ Северные сказки, с. 410.

⁴⁴ Онежские былин, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года,
т. 1. М., 1949, с. 52.

⁴⁵ Былин Пудожского края. Петрозаводск, 1941, с. 24.

⁴⁶ Онежские былин, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года,
т. 1, с. 61.

⁴⁷ Беломорские былин, с. 13, 29.

⁴⁸ М. Д. Кривополенова. Былин, скоморошины, сказки, с. 30.

⁴⁹ Онежские былин, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года,
т. 1, с. 51—52.

⁵⁰ Там же, с. 54.

его былины. Но когда они обратились к нему с просьбой опустить их при исполнении, Иван Трофимович обиделся и согласился только после долгих увещаний. «Мне что, — размышлял он, — ну я, ладно, этого петь не буду, а только ты скажешь одно не петь, тот — другое, что ж от былинки-то останется»⁵¹.

«Старины петь — надо склад знать», — утверждают сказители⁵², и сказочники говорят, что «сказка — показка», что ее надо уметь рассказать с соблюдением всех правил, выработанных традицией. «Красна сказка, когда ее разукрашивает человек во время рассказа», — эти слова сказочника П. Е. Кибирева как нельзя лучше характеризуют народное отношение к поэтическому канону сказки⁵³.

В процессе исполнения певцы и рассказчики напоминают слушателям о былинном или сказочном каноне. Правда, сказители это делают реже, но все-таки делают. Например, эпическая традиция допускает «обрамление» серьезного эпического повествования комическими элементами, поэтому сказители иногда не только начинают былинку с комического запева, но и сознательно указывают на него, противопоставляют его былине, именуя ее «старинной», а запев — «сказочкой», «прибауточкой»: «Да то-де Добрыне не сказочка, да теперь старины ево начал пойдет»⁵⁴. В этом случае сказители поступают подобно сказочникам, которые постоянно обозначают границу между сказкой и присказкой: «Это не сказка, а еще присказка». Фольклористические суждения о специфике эпического повествования часто высказываются сказителям в форме реплик во время исполнения.

Закономерности сказочного повествования также подчеркиваются мимоходом, как бы невзначай. Так, во многих сказках встречаются формулы типа «сказал — и за дело», «сказано — сделано»; будучи инкорпорированными в сказку, они воспринимаются как обычные элементы повествования, но они все-таки несут очень определенную информацию слушателям, заставляют их помнить, что рассказывается сказка, у которой свои закономерности. В частности, на один из законов и указывается, это закон «сказанного — сделанного», или «принцип единства сказанного и сделанного»⁵⁵. Сказочный герой, пишет Д. Н. Медриш, поступает так, как говорит, и, наоборот, говорит так, как поступает, причем говорить, предвидя действие героя, могут и другие персонажи, и формы высказывания могут быть различные, но «слово» непре-

⁵¹ Е. Ляцкий. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895, с. 15.

⁵² Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. М.—Л., 1961, с. 29.

⁵³ Русские сказки Восточной Сибири. Сборник А. Гуревича. Иркутск, 1939, с. XXIV.

⁵⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. 3, с. 116, 118, 217.

⁵⁵ Д. Н. Медриш. Слово и событие в русской волшебной сказке. — В кн.: Русский фольклор, т. 14. Л., 1974, с. 121; Он же. Прямая речь в структуре повествования волшебной сказки. — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1970, с. 136, 138.

менно предваряет действие. Поэтому среди сказочных общих мест есть клише, указывающие на эту закономерность: «сказано—сделано», «что будет сказано, то будет сделано». Если событийное время прерывается, продолжает Д. Н. Медриш, то сказочник употребляет формулу «долго спали, скоро встали», промежуточное между событиями время любой сказочник обозначит формулой «долго ли, коротко ли», или скажет более значимо, указав на разницу между реальным и сказочным временем: «быстро сказка сказывается, долго дело делается». Информативная функция этих и некоторых других сказочных формул обусловила и их переход в поговорки и пословицы.

Иногда рассказчики вставляют в повествование реплики, которые прямо указывают на специфические черты сказки. Так, имена героев в волшебной сказке неустойчивы, кроме имени младшего сына, который в подавляющем большинстве случаев называется Иваном, Иванушкой-дурачком, Ванькой-дурнем, Иваном-дурином. Его братья могут иметь любые имена или быть безымянными. Сказочники эту особенность сказки намеренно передают: «Дочь звали Марией, а сын уж, конечно, Иван (как все больше дак!)»; «Старший сын Василий, средний — Федор, а уж меньшей, как всегда рассказывается, был Иван. Без Ивана сказка редко живет»; «У него было три сына. Вот, конечно, старший, скажем, Василий, средний — Федор, а младший всегда бывает Иван»⁵⁶.

Обязательность и важность присказки подчеркивается многими сказочниками, причем делается это в образной или, по крайней мере, в стихотворной форме: «Прибаутка рассказалася и сказка завязалася», «Без присказки сказка, что без полозьев салазки: и с горы нет им ходу, и по гладкому пути нечего их за собою везти»⁵⁷. Кстати сказать, такой тип стихотворной речи иногда называют в исследованиях «раешником», но некоторые ученые предлагают другой, более точный и народный по происхождению термин — скомороший стих, поскольку он «сложился задолго до появления райка» и «еще в начале XX века на Севере склад речи в сказках-прибаутках называли «скоморошым ясаком»⁵⁸.

Вдумчивые собиратели всегда обращают должное внимание на фольклористические высказывания сказочников. Например, Е. И. Шастина о своей собирательской практике пишет: «Большое значение придается при записях и, так сказать, «теоретическим» рассуждениям сказочника и его аудитории... В этих высказываниях, которые можно было бы назвать народным сказкове-

⁵⁶ Сказки М. М. Коргуева, кн. 1, с. 33, 150; кн. 2, с. 406.

⁵⁷ Сказки Ф. П. Господарева, с. 46; Сказки и предания Северного края, с. 41.

⁵⁸ В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века. — В кн.: Демократическая поэзия XVII века. Подготовка текста и примечания В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1962, с. 11; См. также: Л. С. Шелтаев. Русский раешник XVII века. — «Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 87, 1949, с. 42.

дением, часто можно почерпнуть многое из того, чего не найти в ученых трактатах, и что, между тем, проливает порой весьма яркий свет на целый ряд существеннейших фольклорных явлений»⁵⁹. Далее исследовательница приводит ряд своих наблюдений над современным процессом сказывания—восприятия.

Только знание слушателями и исполнителями художественных закономерностей эпоса делает возможным бытование пародий. Когда сказитель поет «Небылицу в лицах» или «Агафонушку», он уверен, что слушатели знают поэтические законы бытового эпоса, ведь «пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, ограниченнее этот второй план, тем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность»; если же второй план забыт, ушел из сознания слушателей, тогда «пародия воспринимается в одном плане исключительно со стороны ее организации»⁶⁰. Н. Е. Ончуков, занимавшийся собирательской деятельностью на Севере в начале XX в., писал: «Недавно еще составлялись и распевались целые пародии старин, где действующими лицами составлялись местные крестьяне»⁶¹. И это, очевидно, так и было еще в XIX в., но уже в начале XX столетия, когда существенно сузилась сфера бытования былевой поэзии, когда основная масса крестьянства не ощущала или слабо ощущала поэтические закономерности былин, «составление» пародий прекратилось. Бывали случаи, когда сказочники пытались традиционные пародийные сказки рассказывать как обычные, «одноплановые», и неумелая импровизация тут же обнаруживалась слушателями: однажды сказочник П. А. Петренко начал «Фому Бердникова» не как пародию на богатырскую сказку, а как бытовую, и один из слушателей с недоумением прервал сказочника⁶².

В фольклористике установилось мнение, что народом были созданы поэтические биографии основных героев эпоса. Но как только мы обращаемся к творчеству и фольклористическим представлениям конкретных сказителей, оказывается, что у них нет стремления к составлению циклов и так называемых поэтических биографий эпических героев. По сборникам А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, А. Д. Григорьева видно, что сказители, зная, к примеру, несколько былин об Илье Муромце, не связывали их хронологически, не «выстраивали» из эпических сюжетов биографию этого богатыря. Былины об Илье Муромце исполнялись или в разные дни, или вперемешку с другими былинами. Эта закономерность проявляется у всех сказителей, и ошибочными являют-

⁵⁹ Е. И. Шастина. Студенческий фольклорный кружок, с. 167.

⁶⁰ Ю. Тынянов. Достоевский и Гоголь. К теории пародии. Пг., 1921, с. 26.

⁶¹ Печорские былины, с. XXXI.

⁶² Русские сказки Восточной Сибири, с. 188.

ся утверждения некоторых исследователей, будто сказители об-разуют тематические циклы. А. М. Линевский писал, что скази-телем Ф. А. Конашковым была сделана «попытка объединить разрозненные сюжеты об Илье Муромце в некую эпопею»⁶³. Ошибочность этого утверждения обнаруживает сама публикация. В сборнике «Сказитель Ф. А. Конашков» А. М. Линеvский публику-ет 6 былин об Илье Муромце, причем первой поставлена былина «Илья Муромец и Соловей разбойник» в записи 1938 г., затем — 4 былины, зафиксированные в 1937 г. разными собирателями, и, наконец, помещается снова запись 1938 г. — былина «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». Получается, что былины об од-ном герое, записанные в разное время и разными фольклориста-ми, объединены все-таки не певцом, а самим составителем в «не-кую эпопею». Если сказитель сознательно создавал сюжетную ком-позицию об Илье Муромце, то составитель обязан был дать пуб-ликацию с указанием точной временной последовательности ис-полнения былин. Поэтому серьезное сомнение вызывает утвержде-ние А. М. Астаховой, будто «в записях советского времени имеется несколько случаев объединения в одну былинv-поэму всего или почти всего цикла сюжетов об Илье Муромце»⁶⁴. Публикациями это не подтверждается, потому что все они имеют такой же харак-тер, как публикация А. М. Линеvским былин сказителя Ф. А. Ко-нашкова, или опровергают слова А. М. Астаховой насчет былин-поэм. Прав был П. Д. Ухов, когда писал, что нет «сводной были-ны», в которой были бы объединены все былины об Илье, что ска-зителями иногда объединяются только два—три сюжета⁶⁵.

Разумеется, в 30-е гг. XX в. некоторые эпические певцы, побуж-даемые фольклористами, стремились к составлению из разных сюжетов песен-биографий, но успеха не достигли, поскольку на-рушали вековые народнопоэтические традиции. Один из исследо-вателей по этому поводу замечает: «В советское время сказитель-ницей М. С. Крюковой была сделана попытка составить былинv, которая описывала бы полную биографию Скопина (Былины М. С. Крюковой, т. 2, № 112). Былина оказалась длинной — 320 стихов. Сказительница включает в свое произведение известные ей тексты о Скопине, но такое соединение оказывается неестест-венным, потому что приходится склеивать произведения с раз-личным идейным содержанием... В былине М. С. Крюковой мож-но отметить и ряд других фактов, подтверждающих натянутость и неестественность биографической канвы Скопина. Здесь налицо явное разрушение фольклорных традиций»⁶⁶.

⁶³ Сказитель Ф. А. Конашков, с. 53.

⁶⁴ Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958, с. 393.

⁶⁵ П. Д. Ухов. Русская былевая поэзия. — В кн.: Былины. Под общей редакцией В. И. Чичерова. М., 1957, с. 451; См. также: В. Сидельников. Былины Сибири. Томск, 1968, с. 39, 55.

⁶⁶ В. И. Игнатов. Мировоззрение русского народа в эпических произведе-ниях начала XVII века. Ростов-на-Дону, 1972, с. 149.

Именно два—три сюжета, точнее, две—три былины об одном или разных героях сказители иногда располагали «в порядке времени их подвигов», как выразился А. Д. Григорьев⁶⁷. И сами певцы обращали внимание собирателей на это. Так, Ф. Е. Чуркина, исполнившая Н. Е. Ончукову былину «Илья Муромец в опале», сказала, что «старина эта... пелась непосредственно после старины о женитьбе Дуная. После смерти Дуная Илье досталась его шуба, из-за которой все началось»⁶⁸. Возможно, в некоторых местностях существовала очередность пения каких-то эпических песен, но в принципе основная масса сказителей не стремилась во время единичного проявления исполнительства к строгой закреплённости былин об Илье, Добрыне, Алеше, Садко.

Эпические певцы не объединяли также былины в киевский или новгородский циклы. Например, сказитель В. Я. Тяросов пропел собирателю свои былины в следующей последовательности: 1. «Хотен Блудович», 2. «Василий Буслаевич», 3. «Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника с Ильей Муромцем», 4. «Дунай», 5. «Бой Добрыни с Дунаем», 6. «Чурила и неверная жена Перемятина», 7. «Первая поездка Ильи Муромца», 8. «Сорок калик со каликою», 9. «Васька-пьяница и Кудреванко царь», 10. «Аника-воин», 11. «Василий Окульевич и Соломан»⁶⁹. Другой сказитель, В. П. Аникиев, 10 июля 1901 г. пел несколько часов, весь вечер, «до двух часов ночи», как пишет собиратель, свои старины. Причем пел в «определённом порядке», в том, в каком всегда поет. Все известные ему эпические сюжеты он объединил в три пространные песни; их состав собиратель передает так: «1. Женитьба кн. Владимира на указанной и привезенной Добрыней греческой княжне; Илья М. и Идолище; 2. Победа богатырей черниговского князя Олега со Святогором Ром. во главе над войсками кн. Додона; купанье Святогора с Ильей М., Добрыней и Алешей П.; смерть в гробу и погребение Святогора; и 3. Бой Ильи М. с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши П. и рассказ Добрыни о своем бое со змеем»⁷⁰.

По этим примерам видно, что сказители не пытаются расположить былины во время единичного проявления исполнительства ни по каким-либо циклам, ни во временной последовательности в отношении времени эпических песен, вообще они не стремятся связать, соотнести известные им эпические произведения так, чтобы возникла некая композиция, некая целостность, которая воссоздавала бы историю Руси в хронологически упорядоченном виде. Составление подобных композиций привлекает только фольклористов. Если взять любой эпический сборник второй половины XIX—начала XX в., то можно увидеть, что эпические песни обычно выстраиваются «в затылок» друг другу: сначала

⁶⁷ Архангельские былины..., т. 1, с. XIV.

⁶⁸ Печорские былины, с. 16.

⁶⁹ Архангельские былины..., т. 1, с. XIV.

⁷⁰ Архангельские былины..., т. 3, с. 243.

идут былины о Волхе Всеславьевиче или Святогоре, затем — о Добрыне, Илье Муромце, Алеше Поповиче и прочих богатырях, вслед за былинами идут так называемые старшие исторические песни, затем — песни-баллады, песни XVI—XVII вв., скоморошины. Вариации, разумеется, есть, но они не меняют сути. Если же располагают песни «по сказителям», как это было намечено П. Н. Рыбниковым и воплощено впервые А. Ф. Гильфердингом, то опять-таки эпические произведения каждого певца даются в жанрово-временной последовательности. И в результате возникает композиция, которая в большей или меньшей степени, во-первых, отражает фольклористическую позицию составителя сборника, но не носителей эпоса, во-вторых, дает приблизительную картину развития историко-эпических жанров и, в-третьих, показывает, какие события, факты русской истории получили поэтическую интерпретацию в народном эпосе. Были попытки дать и сводный текст русского былевого эпоса⁷¹. Но и такой свод имеет во многом искусственный характер, ибо не учитывает закономерностей бытования народной эпической поэзии.

Исходя из вышеизложенных наблюдений над отношением сказителей к циклизации эпических песен, к системе их организации в акте творчества, можно сказать, что учет народных фольклористических представлений должен быть определяющим при научных публикациях эпоса. И хотя А. Ф. Гильфердинг считал, что система расположения песен «по сказителям» «имеет большие неудобства» и был «готов первый признать, что окончательное, полное издание наших эпических песен... следует сделать по предметам, с систематическим подбором вариантов»⁷², все-таки при научной публикации невозможно обойтись без распределения былин «по сказителям». Но вместо классифицированного репертуара сказителя (а это мы находим и у А. Ф. Гильфердинга, и у всех его последователей, включая советских фольклористов) надо дать эпические песни в той композиционной организации, какую им придал певец во время единичного проявления исполнительства. И тогда откроются вещи, о которых фольклористы пока не подозревают. Но это уже отдельная тема.

* * *

Мы привели лишь небольшую часть материала по нашей теме, но и этого вполне достаточно, чтобы констатировать следующее:

1. У народных певцов и рассказчиков существуют своеобразные представления о жанровой специфике эпоса, что позволяет им стихийно классифицировать произведения по содержанию, сте-

⁷¹ См., например: Русский народный эпос. Сводный текст. Составил Н. В. Водовозов. Послесловие С. К. Шамбинаго. М., 1947,

⁷² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. 1, с. 58.

пени его достоверности, времени создания, среде бытования и т. д. Весьма содержательны народные суждения об основных художественных особенностях песенно-повествовательного эпоса. Иными словами, есть вполне реальные народные знания об эпосе. Крут этих знаний пока лишь намечен, приблизительно очерчен, и необходимы дальнейшие разыскания.

2. Было бы неосмотрительно утверждать, что все положения народной фольклористики обладают большой ценностью. Есть в этой области народного знания спорные положения, которые требуют детального рассмотрения, есть и такие данные, которые могут быть отвергнуты сразу же как абсолютно неверные, наивно-эмпирические. Например, талантливая сказительница А. М. Крюкова говорила собирателю, будто «затюремщики складывают старины и сказки; им скучно сидеть, от скуки им и станет приноситься»⁷³. Отбрасывая такое суждение как ошибочное, мы тем не менее должны обратить внимание на сам факт высказывания, ведь он свидетельствует о том, что сказителя интересует обычный фольклористический вопрос.

3. Народные фольклористические знания выявляются не только в разговоре с собирателем, не только в виде замечаний, пояснительных реплик во время исполнительской деятельности, но и текстуально материализуются или в процессе рассказывания отдельного произведения, например сказки, когда сказочник передает нереальность сказочного повествования через систему композиционных и стилистических средств, или во время единичного проявления исполнительства (пение сказителем своих песен), когда обнаруживается их особая соотнесенность. Можно считать, что сами художественные приемы, структурные элементы, формообразования несут в себе определенную познанность специфики фольклорного искусства. И задача состоит в том, чтобы это выявить и использовать для углубленного исследования актуальных проблем.

⁷³ Беломорские былины, с. 13.